

Алексей Будищев

Оптимист и пессимист

Алексей Николаевич Будищев

Оптимист и пессимист

Аннотация

«Зной невыносимый. Плоская равнина у Колтуевских колодцев вся выжжена солнцем. Три колодца высоко торчат в воздухе своими долговязыми журавлями и издали напоминают собою трех пасущихся жирафов, основательно высушенных голодом. Тишина вокруг мертвая. Кажется, что все живое сгорело в лучах солнца и превратилось в блеск и зной. Из тощих кустиков красного тальника, торчащего у пыльной дороги, столбом вымахнет порою грач, но, сделав в горячем воздухе несколько неловких движений, снова комком падает в куст, точно спалив себе крылья. В поле вся рожь свернулась клубками и, согнув стебель, как горбатую спину, прячет от солнца колос. А овес беспомощно растопырил жидкую кисть и напоминает своим взъерошенным видом обнищавшего мужичонка. Сразу видно, что ему приходится донельзя туго...»

Алексей Будищев

Оптимист и пессимист

Зной невыносимый. Плоская равнина у Колтуевских колодцев вся выжжена солнцем. Три колодца высоко торчат в воздухе своими долговязыми журавлями и издали напоминают собою трех пасущихся жирафов, основательно высушенных голодом. Тишина вокруг мертвая. Кажется, что все живое сгорело в лучах солнца и превратилось в блеск и зной. Из тощих кустиков красного тальника, торчащего у пыльной дороги, столбом вымахнет порою грач, но, сделав в горячем воздухе несколько неловких движений, снова комком падает в куст, точно спалив себе крылья. В поле вся рожь свернулась клубками и, согнув стебель, как горбатую спину, прячет от солнца колос. А овес беспомощно растопырил жидкую кисть и напоминает своим взъерошенным видом обнищавшего мужичонка. Сразу видно, что ему приходится донельзя туго.

И вся эта плоская равнина, свалывшаяся в клубки рожь и взъерошенный овес – совершенно неподвижны и безмолвны. Только у трех колодцев заметно некоторое оживление. Здесь, у этих колодцев, где скрещиваются две дороги, вечно ютятся прохожие странники и богомолки, «путешествующие и недугующие», и земля около их полусгнивших срубов, вся выбитая сапогом и лаптем, безжизненна, как камень.

В настоящую минуту у колодцев сидят, завтракая из деревянных чашечек, два человечка. Один из них точильщик, другой – книгоноша. Это видно по точильному станку и по коробу с книгами, которые каждый из них принес с собою. Точильщик зовет книгоношу Пономарем, а книгоноша точильщика – Костенигою. Познакомились они тут же у колодца всего несколько минут тому назад и теперь за завтраком ведут беседу. По выражению их лиц, по разговору и даже по их позам сразу видно, что Пономарь отчаянный пессимист, а Костенига, напротив, ярый оптимист.

Костенига расположился с некоторым комфортом, подстелив под себя свернутый кафтан и привалившись спиною к своему станку. Ростом он не высок, но приземист и, видимо, пользуется цветущим здоровьем.

Пономарь же принадлежит к разряду тех людей, которых обыкновенно называют «халудинами». Он долог и тонок; лицо его, землистого цвета и худощавое, скошено в брезгливую гримасу, точно он страдает катаром. И сел он на угол своего короба в самой неудобной позе, как будто нарочно желая доставить себе несколько неприятных минут. Даже свой несложный завтрак они приготавливали каждый по-своему, так что уже по одним этим приготовлениям можно было догадаться о мировоззрении того и другого. Костенига готовился к еде не без удовольствия. Он аккуратно сполоснул свою чашечку, зачерпнул воды сколько нужно, ни больше, ни меньше, аккуратно накрошил ножичком хлебца и лучку,

а всю эту смесь полил конопляным маслом, расплывшимся по воде зелеными звездами. Пономарь же чашки своей не споласкивал, воды зачерпнул сразу, сколько попало, и, вырвав из своего каравая один мякиш, сердито швырнул его на дно чашки. Вообще, всеми движениями он как будто хотел сказать:

– А, черт его побери, как бы не есть, лишь бы есть!

Улыбаются они тоже каждый по-своему. Костенига хохочет всем лицом и даже носом, который у него от улыбки весь как-то вывертывается кверху. А Пономарь улыбается криво, только одною половиною губ, между тем как другая половина совершенно не сочувствует первой и даже как будто в сильной на нее претензии за это.

Пономарь ест почти с отвращением и с отвращением говорит:

– И баб и мужиков я, Костенига, презираю; от белого света у меня с души прет, а когда я мальчишку или девчонку вижу, так у меня руки чешутся за вихры их отодрать. Знаю я, Костенига, что из кажнаго мальчишки либо жулик, либо шалопай выйдет, а из девчонки потаскушка или дурья голова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.